

КОЛЕСО ВРЕМЕНИ

ОКО МИРА

ВЕЛИКАЯ ОХОТА

ДРАКОН ВОЗРОЖДЕННЫЙ

ВОСХОДЯЩАЯ ТЕНЬ

ОГНИ НЕБЕС

ВЛАСТЕЛИН ХАОСА

КОРОНА МЕЧЕЙ

ПУТЬ КИНЖАЛОВ
(готовится к изданию)

РОБЕРТ
ДЖОРДАН

КОРОНА МЕЧЕЙ

КОЛЕСО ВРЕМЕНИ

Книга 7

Санкт-Петербург

*Харриет, в который раз доказавшей,
что заслуживает самой глубокой
благодарности*

И нет здравия в нас, и не прорастет добрых всходов, ибо земля еди-на с Драконом Возрожденным, а он — един с землею. Душа из огня, сердце из камня, в гордыне покоряет он, принуждая высокомерие уступать. Он горы поставит на колени, и моря расступятся пред ним, и склонятся самые небеса. Молитесь, дабы сердце из камня помнило слезы, а душа из огня не забыла любовь.

*Из спорного перевода «Пророчеств о Драконе»,
сделанного поэтом Киерой Термендалом из Шюоты;
опубликован, как считается, между 700 и 800 Г. С.*

Мертвое море

океан Арийт

океан Арийт

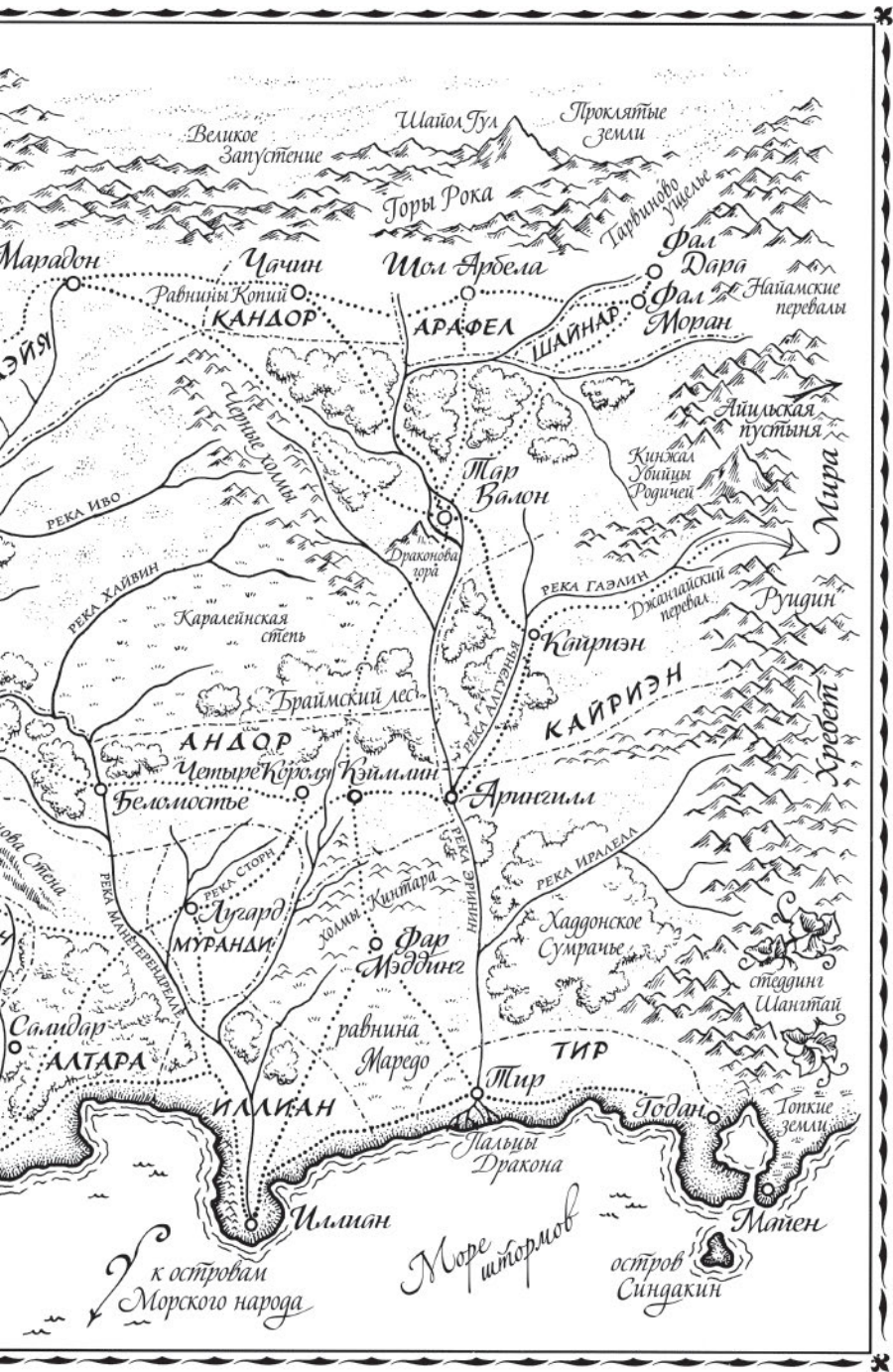
Бандар Эбан

Фалле

Танчико

1994
Кэмпбелл

ПРОЛОГ

Молнии

Элайда стояла у высокого окна с арочным сводом, расположенного на высоте около восьмидесяти спанов над землей, почти у самого верха Белой Башни. Отсюда открывалась вся даль за Тар Валлоном — холмистые равнины и леса на берегу бегущей с северо-запада реки Эринин, с обеих сторон обтекающей остров и великий город на нем, обнесенный белыми стенами. Город уже наверняка испещрили длинные утренние тени, но с этой высоты все казалось ясным и светлым. Поистине, даже легендарные «поднебесные башни» Кайриэна не могли соперничать с Белой Башней. Конечно, башни Тар Валона ниже, и все же повсюду шла молва о них и вознесенных в небо подвесных мостах, что соединяли их между собой.

На этой высоте легкий ветерок дул почти постоянно, ослабляя неестественную жару, овладевшую миром. Праздник Света миновал, снег давно должен был надежно укрыть землю, а между тем погода больше напоминала середину лета. Еще один — если мало было других — признак того, что Последняя битва приближается и Темный прикоснулся к миру. Разумеется, Элайда, даже спускаясь вниз, не позволяла себе замечать жару. И уж конечно, не прохлада, приносимая ветром, была причиной того, что теперь Амерлин занимала эти покои, так незатейливо убранные и расположенные столь высоко, что, взбираясь сюда, ей приходилось преодолевать бессчетное количество ступеней.

Простые красно-коричневые плитки пола и белые мраморные стены, украшенные немногими гобеленами, не шли ни в какое сравнение с великолепием рабочего кабинета Амерлин и комнат при нем. Время от времени Элайда еще использовала эти помещения — ничего не поделаешь, в сознании некоторых людей они слишком прочно увязаны с властью Престола Амерлин, — но жила она здесь и чаще всего именно здесь и работала. Исключительно ради того, что можно было увидеть только с этой высоты. Однако не город, не река и не леса были предметом ее неослабевающего интереса, а нечто, начинающее возникать близ Башни.

Во дворе, где обычно проводили свои тренировки Стражи, развернулось гигантское строительство — там и сям виднелись высокие деревянные грузоподъемные краны и груды нарезанного мрамора и гранита. Трудясь, точно муравьи, суетились каменотесы и другие рабочие, и бесконечный поток повозок вливался через ворота, ведущие на территорию Башни, подвозя все новые и новые камни. В одном конце двора стояла деревянная «рабочая модель», как ее называли каменотесы. Достаточно большая, чтобы человек мог залезть внутрь и, сидя на корточках, рассмотреть каждую деталь, каждый уголок, куда следовало поместить тот или иной камень. Большинство рабочих читать не умели и не разбирались в начерченных мастерами планах.

Любой король или королева имеют дворец. С какой стати в таком случае Престолу Амерлин ютиться в апартаментах, уступающих по размерам и убранству даже тем, которые имели в своем распоряжении многие самые обычные сестры? Ее дворец должен быть под стать Белой Башне великолепием и пышностью, а его шпиль — на десять спанов выше самой Башни. Когда мастер Лерман, который руководил каменотесами, услышал об этом, он побелел как полотно. Башню строили огиры, и им помогали сестры, используя Силу. Один-единственный взгляд на лицо Элайды, однако, заставил Лермана поклониться и, запинаясь, заверить ее, что, разумеется, все будет сделано в точности так, как она желает. Как будто могло быть по-другому.

Она недовольно поджала губы. Ей, конечно, хотелось, чтобы и ее дворец строили огиры, но неизвестно почему они теперь вообще не покидали своих *стеддингов*. Она обратилась в ближайший стеддинг Джентойн, что в Черных холмах, и получила отказ. Вежливый, но все же отказ, без каких бы то ни было объяснений. Подумать только, они отказали самой Амерлин! В лучшем случае дело было в том,

что с годами огиры все больше тяготели к уединенному образу жизни. А может быть, в желании держаться подальше от людей, оставаться в стороне от их бесконечных раздоров и вражды.

Элайда решительно выбросила из головы неприятные мысли об огирах. Она гордилась своим умением гасить бесполезные переживания по поводу того, чего не могла изменить. Огиры — это мелочь. Их участие в делах мира сводилось к строительству городов, но и этим они не занимались уже давным-давно, а сейчас вообще крайне редко появлялись среди людей, разве что для ремонта построенных ими самими зданий.

Вид людей, ползающих внизу, точно жуки, заставил ее слегка нахмуриться. Строительство продвигалось вперед черепашью шагом. Огиры оказались для нее недоступны, но что мешало снова использовать Единую Силу? Конечно, не так уж много сестер практически владели Землей, но, для того чтобы установить камень и скрепить его с другими, не требовалось никакого особого умения. Да. Перед внутренним взором Элайды возник законченный дворец, с мостками, колоннадами, огромными, сияющими позолотой куполами и уходящим ввысь шпилем... Она подняла глаза к безоблачному небу, туда, где будет этот шпиль, и испустила долгий вздох. Да. Сегодня же следует отдать соответствующие распоряжения.

Напольные часы в высоком корпусе в комнате у нее за спиной пробили третий утренний час, и вслед за ними звоном возвестили время городские гонги и колокола. Здесь, на этой высоте, их звуки были едва слышны. Элайда с улыбкой отошла от окна, поправляя платье из кремового шелка с красными вставками и широкую полосатую накидку Престола Амерлин на плечах.

На вычурных позолоченных часах при каждом ударе перемещались маленькие золотые и серебряные, раскрашенные эмалью фигурки. На одном уровне они изображали рогатых троллоков со свирепыми мордами, убегающих от Айз Седай в развевающемся плаще. На другом Лжедракон пытался спастись от сверкающих серебряных молний, которые на него обрушивала другая сестра. Над циферблатом, на самом верху, увенчанные коронами король и королева стояли на коленях перед Амерлин в эмалевом палантине, а над головой у той сияла золотая дуга и Пламя Тар Валона, вырезанное из большого лунного камня.

Она не так уж часто смеялась, но при виде часов, как обычно, не смогла удержаться от легкого довольного смешка. Семейле Сорентайн, одна из прежних Амерлин, вышедшая из Серой Айя, заказала

эти часы, пытаясь хотя бы таким образом воплотить свою мечту о возврате к дням перед Троллоковыми войнами, когда ни один правитель не мог надеяться удержать трон без одобрения Башни. Однако грандиозные планы Семейле так и остались мечтами, канув в забвение, как и сама Семейле, и в течение трех столетий часы провалялись на пыльном складе, среди множества других давно забытых вещей — ни одна Амерлин не осмеливалась выставлять их напоказ. Кроме Элайды. Колесо Времени не стояло на месте — оно поворачивалось, не останавливаясь ни на мгновение. То, что было когда-то, могло произойти снова. *Должно* произойти снова.

Часы очень гармонично вписывались в интерьер гостиной, дверь из которой вела в спальню и туалетную комнату. Прекрасные гобелены, красочная работа мастеров Тира, Кандора и Арад Домана, затканые серебряными, золотыми и разноцветными нитями, висели точно напротив друг друга. Элайда всегда любила порядок. Ковер из Тарабона, почти полностью закрывающий выложенный плитками пол, был выдержан в красных, зеленых и золотых тонах; такие шелковые ковры ценились особенно высоко. На мраморных стенах были вырезаны непритязательные узоры, вертикальными полосами уходящие вверх, и в каждом углу стояли на постаментах белые вазы из хрупкого фарфора Морского народа, с двумя дюжинами тщательно подобранных алых роз в каждой. Заставить розы цвести сейчас можно было только с помощью Единой Силы, особенно учитывая противоестественную засуху и жару; что ж, ради этого стоило обратиться к Истинному Источнику — так она считала. Позолоченная резьба в строго выдержанном кайриэнском стиле покрывала единственное кресло — теперь *никто* не сидел в ее присутствии — и письменный стол. Действительно, очень скромная комната, с потолком едва ли в два спана высотой, но до тех пор, пока не будет готов ее дворец, она готова с этим мириться. Особенно если учесть, что отсюда все строительство видно как на ладони.

Элайда уселась в кресло с высокой спинкой. Изображение Пламени Тар Валона, искусно вделанное в спинку и выложенное лунными камнями, оказалось прямо над ее темноволосой головой. Полированная поверхность стола была пуста, если не считать стоящих на ней трех лакированных шкатулочек алтарской работы. Открыв одну из них, с изображением позолоченных ястребов, летящих среди белых облаков, Элайда достала оттуда небольшую полоску тонкой бумаги, лежащую поверх пачки докладов и прочих документов.

Наверно, уже в сотый раз перечитала она сообщение, двенадцать дней назад принесенное почтовым голубем из Кайриэна. Не многие в Башне знали о существовании этого послания. Никто, кроме нее, не был знаком с его содержанием; никому даже в голову не приходило, о чем там говорится. Эта мысль едва не заставила ее снова рассмеяться.

«Кольцо вдето в нос буйвола. Надеюсь, поездка на рынок будет приятной».

Никакой подписи, да она и не была нужна. Только Галина Касбан могла отправить это замечательное сообщение. Галина, которой Элайда доверяла делать то, что не могла доверить больше никому, разве только себе самой. Она, конечно, не доверяла ей целиком и полностью — в такой степени она не доверяла никому, — но этой женщине, возглавляющей Красную Айя, она доверяла больше, чем кому бы то ни было. В конце концов, Элайда сама вышла из Красной Айя и в большой степени все еще считала себя Красной.

«Кольцо вдето в нос буйвола».

Ранд ал'Тор — Дракон Возрожденный, человек, который, казалось, готов был проглотить весь мир и уже проглотил значительную его часть, — Ранд ал'Тор схвачен, отрезан от Источника и находится в руках Галины. И никто из его приверженцев не догадывался о том, что случилось. Существой хотя бы малейший шанс этого, и в письме было бы употреблено другое выражение. В некоторых более ранних сообщениях говорилось, что он заново открыл способность Перемещаться — талант, утраченный Айз Седай со времен Разлома Мира, — и все же даже это не спасло его, а, напротив, сыграло на руку Галине. По-видимому, у него вошло в привычку появляться и исчезать, никого не предупреждая о своих намерениях. Кому могло прийти в голову, что на этот раз он не просто ушел по своим делам, что его захватили? У Элайды вырвался короткий довольный смешок.

Пройдет еще неделя, самое большее две, и ал'Тор окажется в Башне, под присмотром и надежной охраной, и останется здесь до самого Тармон Гай'дон. Миру, таким образом, больше не угрожает опустошение, которое несет с собой этот человек. Безумие оставлять на свободе любого мужчину, способного направлять, и более того — мужчину, который, согласно пророчеству, должен противостоять Темному в Последней битве; и ниспошли Свет, чтоб до нее

были еще годы и годы — вопреки тому, что предвещает погода. Потребуется много лет, чтобы восстановить порядок в мире, уничтожив последствия всего того, что натворил ал'Тор.

Конечно, вред, который он уже нанес миру, ничтожно мал по сравнению с тем, что он способен натворить, оставшись на свободе. А ведь вдобавок ко всему прочему он и сам мог погибнуть, не успев выполнить свое предназначение. Ладно, теперь этот беспокойный молодой человек будет спеленут и окажется в безопасности, точно дитя в материнских руках, пока не придет время доставить его в Шайол Гул. После этого, если он уцелеет...

Элайда поджала губы. Как предсказывают пророчества о Драконе, это вряд ли ему удастся, что, очевидно, было бы лучше всего.

— Мать? — (Элайда чуть не вздрогнула, услышав голос Алвиарин. Входит даже не постучавшись!) — Мать, у меня для вас срочные сообщения.

Стройная, с невозмутимым холодным лицом, Алвиарин, как обычно, была в белом платье и плотно облегающей узкой накидке хранительницы летописей того же цвета. Несомненно, чтобы напоминать всем, что она возвышена на свой пост из Белой Айя. Ей каким-то образом всегда удавалось произносить привычное обращение «мать» таким тоном, будто она разговаривала с ровней, без малейших признаков уважения.

При появлении Алвиарин хорошее настроение Элайды мгновенно улетучилось. Хранительница летописей происходила не из Красной Айя, и мысль об этом всегда уязвляла самолюбие Элайды как напоминание о собственной слабости, которую она проявила, только что заняв Престол Амерлин. К сожалению, не все происходило так, как ей хотелось, хотя кое-что несомненно удалось. Но не все. Пока не все. Ее чрезвычайно огорчало то, что за пределами Андора у нее было так мало связанных лично с ней глаз-и-ушей. А все почему? Потому что ее предшественница сбежала вместе с предшественницей Алвиарин — им явно помогли; без помощи им это вряд ли бы удалось! — сбежала, не успев передать ей — добровольно или нет, это уж как получилось бы — огромную сеть личных осведомителей Амерлин.

Элайда страстно желала заполучить эту сеть, по праву принадлежащую ей. По устоявшейся традиции все Айя передавали хранительнице летописей некоторую часть своих собственных глаз-и-ушей, ту, в общем-то, незначительную часть, которой они желали поделиться с Амерлин. Однако Элайда была убеждена, что эта женщина

утаивает от нее кое-что даже из такой тоненькой струйки. И все же она не могла обратиться к главам Айя с просьбой передавать сведения напрямую ей, минуя Алвиарин. Просьба — всегда признак слабости, что само по себе плохо. Не хватало еще, чтобы Башня, которую она олицетворяла, выказывала слабость, стоя с протянутой рукой. Башня, которая, как считалось, возвышалась над этим миром.

Элайда прикладывала все усилия к тому, чтобы сохранить такое же бесстрастное выражение лица, как у вошедшей, наградив ее лишь кивком и делая вид, что изучает бумаги, которые достала из лакированной шкатулки. Неторопливо перебирая одну за другой, она так же неспешно клала их обратно в шкатулку. Не видя ни единого написанного там слова. Заставлять Алвиарин ждать было чуть ли не единственным доступным Элайде способом нанести укол самолюбию той, которая, как предполагалось, должна бы преданно служить ей. И это не доставляло удовольствия, скорее вызывало чувство горечи, потому что на самом деле это мелочь, пустяк.

В принципе, Амерлин могла отдать любой приказ, ее слово — формально — считалось окончательным и бесповоротным. И все же на практике без поддержки Совета Башни многие из ее приказов остались бы всего лишь чернилами на бумаге. Ни одна сестра не выказала бы неповиновения Амерлин, по крайней мере открыто, и все же для выполнения почти любого распоряжения требовались сотни вещей. При желании не стоило особого труда сделать так, чтобы ее приказы выполнялись как можно медленнее — настолько медленно, чтобы в конце концов просто утратили всякий смысл.

Спокойствие Алвиарин наводило на мысль о замерзшем пруде. Закрыв алтарскую шкатулку, Элайда оставила на столе заветный листок, который сулил ей несомненную победу. Не отдавая себе в этом отчета, она слегка поглаживала бумагу пальцами — как талисман.

— Неужели Теслин и Джолин снизошли наконец до того, чтобы сообщить хоть что-то еще, кроме того, что они благополучно прибыли на место?

Этот вопрос должен был напомнить Алвиарин, что ни одна сестра не могла надеяться чувствовать себя полностью защищенной перед Элайдой. Никого не интересовало, что происходит в Эбу Дар, а Элайду меньше всех; столица Алтары могла рухнуть в море — за исключением торговцев, никто бы этого даже не заметил. Однако Теслин сиднем просидела в Совете Башни почти пятнадцать лет — до тех пор, пока Элайда не приказала ей оставить свое кресло. Если

Элайда смогла отослать из Башни восседающую — *Красную* восседающую, которая поддерживала ее возвышение, — назначив своей представительницей у этого засиженного мухами трона... И никто не понимал, как так получилось, — ходили лишь смутные слухи. Значит, при желании она могла наказать любого. С Джолин дело обстояло иначе. Она занимала свое кресло восседающей от Зеленых всего несколько недель. Все были уверены, что Зеленые выбрали ее специально, чтобы показать, что они не боятся новой Амерлин, которая подвергла ее суровому наказанию. Такое проявление оскорбительной дерзости, конечно, не следовало оставлять без внимания, и оно не было оставлено. Все прекрасно понимали это.

Вопрос Элайды имел целью напомнить Алвиарин, что она тоже уязвима, но эта стройная женщина лишь холодно улыбнулась в ответ. Потому что понимала — пока Совет оставался таким, как сейчас, она *неприкосновенна*. Взглянув на бумаги, которые держала в руке, Алвиарин выдернула одну из них:

— Никаких сообщений от Теслин или Джолин, мать, но новости только подтверждают то, о чем вам уже сообщали прежде. — Ее улыбка стала опасно близка к насмешке. — Все правители жаждут опробовать свои крылья. Хотят убедиться в том, что вы так же сильны, как... как ваша предшественница.

Даже у Алвиарин хватало такта не произносить в присутствии Элайды имя Суан Санчей. Однако по существу она была права. Складывалось впечатление, что каждый король, каждая королева и даже просто благородные семейства делали все, чтобы проверить, как далеко простирается власть новой Амерлин. Не мешало бы преподать им урок.

Бегло просмотрев свои бумаги, Алвиарин продолжала:

— Есть, однако, сообщение и из Эбу Дар. Через Серых. — (Интересно, она подчеркнула последнее слово, чтобы уколоть побольнее?) — Похоже, там объявились Илэйн Траканд и Найнив ал'Мира. Ведут себя как полноправные сестры, которые осчастливили королеву Тайлин, прибыв к ней в качестве... *представительниц*... от мятежниц. Есть еще две другие, пока точно не установлено, кто именно, но, возможно, они выполняют ту же миссию. Непонятно, являются ли они тоже мятежницами — ведь список тех, кто к ним примкнул, неполон — или просто их... спутницами. Серые не уверены.

— Что им, Света ради, делать в Эбу Дар? — раздраженно спросила Элайда. И уж конечно, об *этом* Теслин непременно сообщила